

ГЛАВА I. Демократическая аристократия и аристократическая демократия

Самая жесткая форма олигархии – абсолютистская монархия – основывается на воле одного человека. *Sic volo, sic jubeo. Tel est mon bon plaisir.* Один отдает приказы, все остальные подчиняются. Воля одного способна побороть волю целой нации, до наших дней этот пережиток сохранился в праве конституционных монархов накладывать вето. Правовая основа этой системы позаимствована из трансцендентальной метафизики. Логическое объяснение любой монархии лежит в апелляции к Богу. Бога спускают на землю и в роли государственно-правовой опоры заставляют служить опорой монархии – в этом явлена Божья благодать. Поэтому, словно опираясь на потусторонний элемент, монархическая система, если мы рассмотрим ее с государственно-правовой точки зрения, неприкасаема для прав человека и его воли, навечно и непреложно. Легитимное, юридически обоснованное, законное упразднение монархии, таким образом, невозможно, это сказка, которой пугают на ночь наивных политиканов. С правовой точки зрения королевская власть упраздняема, но лишь по воле Божьей, которая, однако, непостижима.

В теории принципу монархии противопоставлен принцип демократии. Он отрицает превосходство права одного над правами других. Он уравнивает всех перед лицом закона, *in abstracto* предоставляет каждому возможность подняться на самые верхние ступени социальной лестницы и законодательно упраздняет привилегии, данные по праву рождения. Исход борьбы за общественные преимущества зависит исключительно от индивидуальных особенностей. В условиях монархии все решают способности одного человека, а потому лучшие из монархий не способны предоставить своим народам никакой гарантии продолжительного благополучия или практически полезного управления[2]. В условиях демократии народ берет на себя ответственность за существующие условия, которыми он самостоятельно управляет.

В настоящее время известно, что в жизни народов эти основные теоретические принципы государственной организации настолько эластичны, что во многом пересекаются: «...демократия может охватить весь народ либо охватить не более половины его. Аристократия, в свою очередь, может охватить от половины народа до неопределенно малого числа граждан»[3]. То есть обе формы правления не противопоставлены друг другу

полностью, но пересекаются приблизительно наполовину.

Наш век раз и навсегда покончил со всеми устаревшими и закоснелыми формами аристократии. По крайней мере, в основных формах политической жизни. Даже консерватизм в этих условиях прикидывается демократичным. Под натиском демократических масс он уже давно отказался от своей примитивной формы. Ему нравится менять маски. Сегодня он предстает перед нами абсолютистским, завтра – конституционным, послезавтра – парламентским. В тех случаях, когда он господствует свободно, как в Германии, он ссылается на Божью волю. Если же он чувствует себя неуверенно, как в Италии, то к воле Бога добавляется воля народа. В своих внешних проявлениях он способен на величайшие превращения. В монархистской Франции король Франции и Наварры превратился в короля Франции, а король Франции – в короля французов.

Поэтому теоретически в партийной жизни – как в государственной, так и в общественной – еще сильнее проявляется тяга к демократии. Зачастую она основывается на принципе большинства и всегда – на принципе массовости. Подобным образом и аристократические партии безвозвратно утратили чистоту своих аристократических принципов. Они чувствуют себя обязанными, хотя бы на некоторых этапах политической жизни, демонстрировать свою приверженность демократии или хотя бы прикинуться демократическими, даже если по сути они останутся антидемократичными. В то время как принцип демократии воплощается в соответствии с изменяющейся волей народа и большинства, следуя теории itavra psi (изменчивости) Гераклита, принципы консерватизма выстраивают устойчивые системы норм и правил, которые эмпирически воспринимаются как непреложно хорошие (или непреложно дурные) и потому претендуют на постоянное место в неизменной системе ценностей. Тем не менее принцип статичности не стоит воспринимать как исключительно консервативный. Консерватизм самоуничтожился бы, если бы заключался лишь в одобрении уже существующего, например существующих правовых форм [4]. В условиях, когда молодые, демократически настроенные политические силы приходят на смену консерваторам и лишают их прямой власти, прежние правители превращаются во врагов существующего государства, а иногда и в революционеров [5]. Поэтому консервативно настроенные политические партии, в которых инстинктивно и искренне почитают аристократическую избранность, превращаются из клик в народные партии. Убежденность в том, что только массы могут помочь восстановить старую аристократию в ее первоначальной чистоте и уничтожить демократический режим, превращает сторонников консерватизма в демократов; они глубоко уважают страдания народа и ищут, как в свое время это делали роялисты в республиканской Франции, подход даже к революционно настроенному пролетариату. Они обещают рабочим избавить их от гнета демократического капитала и помочь расширить влияние профсоюзов в обмен на помощь в возвращении королевской власти, величайшего плода принципов аристократии, на трон сверженной республики [6]. «Король и бедняки короля» уничтожат олигархию жирных буржуа. Демократия должна быть уничтожена демократическим решением народа. Демократический путь – единственный путь к новой власти, доступный свергнутой аристократии. Консерваторы редко обращаются со своими лозунгами к рабочим до тех пор, пока их окончательно не оттеснят от власти. В странах с демократическим режимом, например в Англии, они обращаются к рабочему классу лишь в том случае, если пролетариат составляет большую часть народных масс [7]. Но и в тех государствах, в которых установлено непарламентское управление, но принято

общее и одинаковое для всех избирательное право, аристократические партии обязаны своей политической жизнью только милости масс, права и политический потенциал которых они отвергают в теории[8]. На выборах политический инстинкт самосохранения вынуждает прежние правительственные группы спускаться со своих высот и обращаться к тем же демократическим и демагогическим методам, которыми пользуется и самый юный, самый многочисленный и самый некультурный слой нашего общества – пролетариат. Аристократия сохраняет свою политическую власть не на пути парламентаризма. Чтобы удержать бразды политической власти над государством (по крайней мере, в большинстве монархий), ей не нужно парламентское большинство. Но чтобы внушить уважение, ей необходимо быть представленной в парламенте, хотя бы в декоративных целях, чтобы добиться общественного расположения. Однако аристократия добивается этого не путем декларации своих основных внутренних принципов или обращения к себе подобным. Аристократическая партия или партия крупных землевладельцев, обратись она к тем, кто разделяет ее экономические интересы или обладает таким же состоянием, не смогла бы заполучить ни одного избирательного округа, не провела бы в парламент ни одного депутата. Кандидат-консерватор, который предстал бы перед избирателями и рассказал бы им, что он не считает их способными участвовать в политической жизни и определять судьбу страны и потому после его избрания они будут лишены избирательного права, по-человечески поступил бы ужасно честно, но с точки зрения политики – ужасно глупо. Чтобы осуществить свой *acte de presence* в парламенте, ему, таким образом, остается лишь одно: выйти на предвыборную арену и изображать демократические жесты, обращаться к крестьянам и сельскохозяйственным рабочим как к сотоварищам и внушить им уверенность, что их экономические и социальные интересы пересекаются. Аристократ, таким образом, считает себя обязанным баллотироваться в парламент, руководствуясь теми принципами, в которые он не верит и которые внутренне презирает. Все в нем требует власти, сохранения ограниченного или, точнее, упразднения всеобщего избирательного права, которое угрожает его личной свободе. Однако, осознав, что в разразившуюся эпоху демократии он окажется отрезанным от политической жизни и никогда не сможет создать собственную политическую партию, он резко меняет собственные убеждения и начинает по-волчьи выть, мечтая получить волчье [по его мнению] большинство голосов[9].

Влияние всеобщих выборов на поведение консервативных кандидатов так велико, что во время дебатов двух кандидатов, разделяющих одни и те же взгляды в одном избирательном округе, каждый старается обозначить свое (необходимое в этих обстоятельствах) отличие от соперника, все время отклоняясь влево, то есть особенно акцентируя внимание на псевдодемократических положениях[10].

Подобные случаи доказывают, что даже консерватор пытается приспособиться к основному закону современной политики, заменившему собой религиозную аксиому о том, что «многие призваны, но немногие избраны», равно как и психологический тезис, согласно которому лишь избранное меньшинство может достичь идеала. Курциус сформулировал это в одной фразе: «В элитных частях нет необходимости. Необходимо завладеть массами и править с помощью масс[11]. Консервативному духу прошлых правителей, как бы глубоко он ни был укоренен, приходится – разумеется, только для выборов – рядиться в свободные одежды демократии.

Теория либерализма тоже выстраивает свои планы, ориентируясь не только на интересы масс. Она опирается на вполне конкретные массы, которые уже захватили власть в других областях, но еще не добились политических привилегий, а именно на социальные слои собственников и интеллектуалов. Массы сами по себе необходимы либералам исключительно как средство достижения их далеко идущих целей. Первый великий либеральный историограф Германии – Роттек упрекнул французскую королевскую власть в том, что она во время революции вынуждала буржуазию обращаться к народным массам. Он разделяет демократию на господство представителей и господство массы [12]. Во время июньской революции 1830 года Раумер, находясь в Париже, открыто сетовал на то, что массы обладают властью и невероятно трудно отобрать ее у них, не обидев и не разбудив новый мятеж [13]. Одновременно в выражениях, достойных романтического дифирамба, он превозносил систему отношений его родной Пруссии, где король и народ «по большей части витают в священных сферах», а довольные граждане не задаются вопросами о своих правах [14]. Из истории возникновения северогерманского рейхстага нам известно, что другой предводитель либералов и сторонник либеральных взглядов – историк Генрих фон Зибель высказывался против всеобщего, прямого и равного для всех избирательного права, подкрепленного лишь странным представлением либералов о массах, приведенном выше, согласно которому избирательное право «для парламентаризма любого рода может означать лишь начало конца». По его словам, избирательное право – это право на господство, и он вынужден срочно предостеречь и попросить немецкую королевскую власть с большой осторожностью прививать столь внушительные элементы демократической диктатуры в новом федеративном государстве [15]. Если вспомнить, как формировалось отношение либерализма к принципам и устройству аристократии, его внутреннее отвращение к массам становится понятным: с тех пор как возникло всеобщее избирательное право, а вместе с ним и перспективы возникновения нового, несколько коммунистически настроенного большинства избирателей или нижней палаты, многие, по мнению Рошера, научились по-новому воспринимать действующую власть короны и верхней палаты, чтобы не допустить принятия любого решения нижней палаты. Разумным также было бы не предпринимать никаких попыток по расширению существующего избирательного права без «точных статистических данных», то есть без тщательнейшего изучения соотношения сил между отдельными классами населения [16]. Недавно в одной из либеральных групп, ближе других находящейся к социал-демократам Германии – в кругах национально-социальной ассоциации, – зародилось осознание тенденции (о которой никто и не думал сожалеть), что переменчивая и непредсказуемая воля народа, находящая отныне выход в рейхстаге, не способна в одиночку повлиять на дела государства, за ней присматривают представители аристократии, не зависящие от народа, но ограничивающие его волю, наблюдающие за ней и обладающие правом вето, независимые от народа [17].

Немецкие ученые от Роттека до Науманна на протяжении целого века в поте лица старались теоретически объединить естественные противоречия демократии и милитаристской монархии. Проникнутые искренним стремлением к этой высокой цели, они пытались «расфеодализировать» монархию, то есть заменить аристократических покровителей трона на академических. Их главной задачей (вероятно, даже и неосознанно) было теоретическое обоснование этой если не так называемой социальной, то хотя бы народной монархии. Очевидно, что такая цель имела под собой политические мотивы, у которых не было ничего общего с наукой, но они не обязательно противоречили друг другу

(здесь решающую роль играет методология), поскольку находились за пределами науки. Тенденция к установлению Июльской монархии – вовсе не повод упрекать ученых. Она относится к сфере политики. Напротив, что точно заслуживает осуждения с исторической точки зрения, так это отождествление возникшего за последние десять лет в Прусской Германии монархического принципа с идеей народной (социальной) монархии. В этом отношении многие немецкие либерально настроенные теоретики и историки путают мечту с реальностью. В этой путанице кроется и главная ошибка немецкого либерализма, который с 1866 года только и делает, что меняет позиции, то есть пытается скрыть свою одностороннюю борьбу с социализмом и в то же время отказ от политической эмансипации немецкого бюргерства за ложными представлениями о том, что с объединением Германии и основанием королевства Гогенцоллернов все или почти все юношеские мечты либерализма воплотятся в жизнь. Основной принцип современной монархии (наследственной монархии) совершенно несовместим с принципами демократии, даже если понимать их очень широко. Цезаризм еще можно считать демократией, во всяком случае, он может претендовать на это до тех пор, пока основывается на воле народа, легитимная монархия же – никогда.

Подводя итог, можно отметить, что в современной партийной жизни аристократия с удовольствием предстает в облике демократии, верно и то, что сущность демократии пронизана аристократическими элементами. Аристократия в форме демократии. Демократия с аристократическим содержанием.

Внешне демократическая форма политических партий с легкостью вводит в заблуждение поверхностных наблюдателей и отвлекает их от аристократических или, вернее, олигархических тенденций, поражающих любую партийную организацию. Именно наблюдение за демократическими партиями, и в первую очередь социал-революционными рабочими партиями, может наиболее очевидным образом доказать существование такой тенденции. В консервативных партиях, за исключением предвыборных периодов, с естественной откровенностью проявляется склонность к олигархии, которая полностью соответствует их принципиально олигархическому характеру. Однако сегодня субверсивные партии явно принимают те же формы. Наблюдение за ними куда ценнее, поскольку революционно настроенные партии объясняют свое возникновение и свои устремления через отрицание этих тенденций, они возникают из этого отрицания. Возникновение олигархизации в лоне революционных партий – весьма убедительное доказательство существования глубинных олигархических тенденций в любом человеческом сообществе.

Социал-революционные и демократические партии провозглашают своей главной целью свержение олигархии во всех ее формах. Возникает вопрос: как объяснить, что те же самые тенденции, против которых они ведут борьбу, развиваются и внутри этих партий? Поиск беспристрастного аналитического ответа на этот вопрос составляет одну из ключевых задач этой книги.

Идеальная демократия невозможна в современных условиях социально-экономической зависимости. Признаем это. Тогда встает вопрос, в какой степени внутри существующего сегодня общественного порядка, среди тех, кто планирует его уничтожить и создать на его месте новый, уже можно обнаружить зарождение той силы, что стремится к идеальной демократии.

Версия #1

Зверобой создал 19 января 2026 23:40:37

Зверобой обновил 19 января 2026 23:41:02